

КАВКАЗ

(LE CAUCASE)

**ОРГАН НЕЗАВИСИМОЙ
НАЦИОНАЛЬНОЙ МЫСЛИ**

L'adresse de l'administration : 10, rue de Plelo, Paris (15^e)

№ 2/62

ФЕВРАЛЬ 1939 Г.

№ 2/62

СОДЕРЖАНИЕ :

Гайдар Баммат — На путях антикоминтерна.

** — На Западе и на Востоке.

Тамбий Елекхоти — Польско-украинская отношения.

Викинг — Откровенный обман.

Алискант — Знамение времен.

Сурхай — Кавказ и державы в XIX в.

Григ. Диасамидзе — Откровенные бедсы.

В. Оленин — Кавказские силуэты.

Тбилисели — Прикованный титан.

Обзор Печати.

Хроника.

22 февраля 1939 г.

НА ПУТЯХ

АНТИКОМИНТЕРНА

ПОЛИТИЧЕСКИЕ

события большой важности следуют одно за другим. Их так много, темп их так стремителен, что трудно своевременно дать им необходимую оценку... Сокрушительные победы испанских националистов в Каталонии, знаменующие если не немедленный, то во всяком случае очень скорый конец затянувшейся гражданской войны и окончательное торжество ген. Франко и символизируе-

мых им идей, отвлекли общественное внимание от Центральной и Восточной Европы.

А между тем в этой части нашего континента кипит лихорадочная дипломатическая работа, результаты которой вероятно не замедлят сказаться в недалеком будущем.

Всего несколько недель отделяют нас от визита полковника Бека в Берхтесгаден...

О чем шла речь между всемогущим Фюрером Велико-Германии и не лишенным ловкости министром иностранных

дел Польши? Никто этого толком не знает. Секрет беседы был сохранен с обеих сторон отлично. Можно смело утверждать, что все появившиеся впрочем довольно скудные, газетные комментарии по поводу этой встречи были досужим измышлением их авторов...

Ответный визит фон Риббентропа также не пролил много света на характер новых взаимоотношений Берлина и Варшавы...

И Берхтесгаденское и Варшавское свидание оставили полный простор для всяких догадок и умозаключений...

В порядке таких более или менее произвольных умозаключений быть может не лишне вспомнить два эпизода, бросающих свет на сложную игру, которая идет сейчас между Варшавой и Берлином.

Наши читатели, конечно, помнят желчную реакцию Варшавского правительства на Венский арбитраж, положивший конец польско-венгерским мечтаниям об общей границе и создавший Украинский Пьемонт в виде Карпатской Украины.

В пылу раздражения Варшава, без некоторой демонстративности, повернулась лицом к Москве и взяла на себя инициативу освежения старого договора добрососедства, связывающего Польшу с СССР. Формально торговый характер начавшихся переговоров не мог, конечно, никого ввести в заблуждение относительно политического значения Варшавского жеста...

Если у когонибудь на этот счет могли быть сомнения, чтобы рассеять их достаточно было ознакомиться с советски-

ми газетами тех дней. — Ликованию "Известий" и "Правды" не было предела. Москва предвкушала новый союз и готовила поездку Литвинова в Варшаву...

Берлин отнесся совершенно спокойно к новой ориентации польской политики и внешне — по крайней мере в печати — ничем не проявил своего неудовольствия...

Но как раз накануне поездки фон Риббентропа в Варшаву мировую печать обошло сообщение о предстоящей посылке Германией в Москву внушительной торговой делегации... Все комментаторы сообщения не преминули подчеркнуть, что делегация вероятно не ограничится чисто торговыми вопросами...

Некоторые газеты, периодически пугающие своих читателей германо-русским союзом, забили новую тревогу...

Однако прошло несколько дней. Фон Риббентроп вернулся из поездки в Варшаву, и берлинские газеты оповестили *urbi et orbi*, что никакой делегации в Москву сейчас послано не будет...

В Варшаве также что то не говорят больше о срочной необходимости укрепления торговых связей с СССР, а в Москве не только нет больше речи о поездке Литвинова в Варшаву, но слышны по адресу Польши старые, казалось, давно уже забытые ноты...

Месяц январь был отмечен большим количеством дипломатических визитов разных министров иностранных дел в Берлин. Среди этих визитов особо сле-

дует отметить визит руководителя внешней политики Венгрии графа Чака.

Ни для кого не секрет, что Венгрия, хотя и получила по Венскому арбитражу довольно значительный кусок старой своей территории за счет нынешних Словакии и Карпатской Украины, и вернула свыше миллиона своего населения — отнюдь не считает себя удовлетворенной решением германского и итальянского арбитров.

Венгрия, не перестававшая всеми доступными ей мерами бороться против Трианонского договора и требовать ревизии, надеялась вернуть целиком если не всю Словакию, то по крайней мере старую Прикарпатскую Русь, принадлежавшую короне св. Стефана... Эти надежды, как известно, не сбылись. Мало того, отношения, которые сложились между венграми и Подкарпатской Украиной никак нельзя назвать дружественными. Кровавый инцидент, имевший место в начале января в Мункачеве, сильно обострил страсти обеих сторон, при чем венгры были склонны считать, что без иностранной, т. е. немецкой, поддержки украинцы никогда не решились бы занять столь независимой позиции...

К этому необходимо прибавить, что в Венгрии особенно в среде высшей земельной аристократии существует традиционная боязнь германизма, которая всегда толкала и поныне толкает этот класс искать гарантий против него...

Отсюда и идея общей с Польшей границы и фантастической "Третьей Европы", способной воздвигнуть от Балтий-

ского до Черного морей железный барьер против германизма и России...

Заслуга правительства Имреди и в особенности его молодого министра иностранных дел заключается в том, что они во время отдачи себе отчет в невозможности для Венгрии не считаться с реальной обстановкой, создавшейся в Центральной Европе, и необходимостью тесного политического сотрудничества с державами оси Берлин-Рим.

Посещение графом Чака Берлина, которому предшествовало официальное присоединение Венгрии к антикоммунистическому блоку, знаменует окончательное вхождение Венгрии в систему великих авторитарных держав.

Во время своего пребывания в Берлине министр иностранных дел Венгрии видел не только с фон Риббентропом, но и с заместителем Гитлера во главе партии, Рудольфом Гессом, с маршалом Герингом и, наконец, с самим Фюрером.

Это означает, что все вопросы, как экономического, так и политического характера были вырешены.

Комментарии немецкой и венгерской печати не оставляют сомнения что Венгрия окончательно выбрала свой дальнейший политический путь.

Одним союзником в стане противников Советского Союза и мирового большевизма стало больше.

Мы не можем не приветствовать от души это событие.

Гайдар Баммат.

На западе и на востоке

МОСКВА продолжает терпеть поражения всюду. За самое последнее время окончательно определилась несомненная победа ген. Франко в испанской гражданской войне. Каталония, главная опора старого правительства, куда оно бежало, считая эту территорию надежнее Мадрида и Валенсии, целиком занята войсками националистов. Во Францию укрылась почти 200-тысячная армия так называемых республиканцев, увлекая в поспешном бегстве почти такое же количество мирного населения, перепуганного всеми событиями.

Каталонская армия уже давно прекратила сопротивление и бежала без оглядки. При этом выяснилось, что снаряжения у нея было вполне достаточно, что целые арсеналы брошены или опустошены при паническом бегстве. Многие десятки неиспользованных советских аэропланов попали во Францию. Произошел тот психологический сдвиг военной сопротивляемости, который знаменует наступление полного разгрома.

Убежали, разумеется, и сами члены правительства и политические руководители, всячески норовя и в эмиграции сохранить дальнейшую активность, пока центральная часть Испании с Мадридом и Валенсией еще генералом Франко не занята. Но, повидимому, между различными лицами существуют серьезные разногласия, и в то время как глава старого правительства Негрин вылетел в Мадрид, надеясь продлить войну, бывший президент Асанья отказывается покинуть Францию.

Создается, таким образом, очень смутное юридическое положение, и конституционная законность мадридского правительства, с президентом в изгнании, представляется спорной. Но дело по нынешним временам не в формальных пунктах законных требований, — важно то, что фактическая обстановка не оставляет уже больше никаких сомнений в неминуемой победе ген. Франко на всей территории Испании.

Тем не менее некоторые члены старого правительства с Негрином во главе предполагали длить, насколько еще возможно, совершенно безнадежное сопротивление, поощряемые в этом всеми “левыми” кругами всего мира. Интересно тут выявить действительную психологическую сущность “левого” патриотизма. Обанкротившиеся политические деятели красной Испании готовы пожертвовать еще тысячами жизней своих сограждан, лишь бы борьба с “фашизмом” продолжалась: авось, удастся за это время вызвать серьезные международные осложнения. Левая, в особенности социалистическая печать всего мира этого и не скрывает: хоть месяц, хоть неделю, хоть день, хоть час лишний пусть борется Мадрид (таковы точные слова), — мировая обстановка может оказаться иной, при нынешнем напряженном состоянии нельзя самим тушить испанский костер, пусть тлеют хоть искры, от которых может начаться общий пожар. Ставка на столь желанную мировую войну.

Но левым государственным людям в Испании, как впрочем и везде, настоль-

ко нет дела до действительных интересов своей родины, что они готовы повиноваться этим настроениям, совпадающим с их желаниями. Тем более, что гражданская война их лично устраивает, во всяком случае многих из них. Ниже, в "Обзоре печати", мы приводим, выдвинутые редактором французской газеты "Жур" Леоном Бэльби, тяжелые обвинения самого Негрина в присвоении с корыстными целями и в вывозе за границу не только государственного, но и частного имущества. Золото, драгоценные камни, дорогие меха, предметы искусства — все это постоянно оказывается сейчас в подозрительном количестве в руках даже рядовых беженцев из Испании, у начальников всяких отрядов, да и просто мобилизованных оборванцев. В особенности отличилась в этом отношении так называемая бригада Листера, состоящая из "идейных коммунистов" всех стран. Там обнаружены сотни кило краденых драгоценностей — легко доставшихся "военных трофеев". Население южной Франции серьезно встревожено появлением многих настоящих преступников — опоры побежденной "республиканской" Испании. Вообще эпоха смут, а гражданская война в особенности — дают широкую возможность набивать карманы и устраивать свои делишки всякими незаконными способами, — и не так легко со всей этой обстановкой расстаться.

Но ясно, что те великие державы, которые до сих пор не признавали ген. Франко даже просто воюющей стороной, упорно квалифицируя его мятежником, теперь принуждены пересмотреть свою тактику, и юридическое признание гла-

вы националистов, единственным законным правительством всей Испании неизбежно. Повторяется все та же история упорной и, можно сказать, безрассудной борьбы, направляемых левыми кругами течений, идущих наперекор движению событий и потому принужденных после делать сразу полный поворот.

Обстановка в освобожденной Барселоне целиком разоблачает обманы, которыми всячески стремилась прикрыть левая печать всего мира действительное положение вещей. Население встречало националистов, как избавителей; военного снаряжения было сколько угодно; власти распоряжались вне всякой законности, самоуправно и с кровавой жестокостью; обнаружены специальные камеры пыток по советской системе и советским образцам, для вымогательства признаний и ложных самообвинений, для устрашения и порабощения противников. Теперь все это выводится на чистую воду, собираются материалы и документы.

Как ни странно, но были, оказывается, наивные люди, в особенности в Англии и в Америке, которые готовы сейчас воскликнуть: "мы не могли верить, что это было действительно так, — но теперь наше мнение меняется!" Что касается нас, то мнение наше на этот счет всегда неизменно: там, где только коснулась рука Москвы, всегда кровь, всегда насилие и всегда ложь и обман. Счастливы народы, которым удастся, хотя бы и после тяжелой борьбы, сбросить с себя ненавистное иго руководимого Москвою коммунизма! И все же находятся в мире, к сожалению еще влиятельные круги, которые готовы затушевывать московские преступления и бороться с

нарастающим противодействием антикоммунистических сил. Тяжела их ответственность перед человечеством и неминуема расплата.

Но сейчас, что касается Испании, всем уже приходится считаться с генералом Франко, как с ее вождем, и Англией, чья политика всегда отличалась значительной гибкостью, сама содействовала занятию националистами острова Минорки, который в группе Балеарских островов представляет собою очень важный пункт на путях средиземноморских сообщений в их западной части. Повидимому, правительство Чемберлена не прочь продолжать эту роль посредника и в дальнейших фазах еще не законченной гражданской войны, но конечно, события диктуются не только волевыми соглашениями, а и самой логикой фактов. Произвольно давать им новое направление трудно.

Без всяких предварительных переговоров и без всякого предупреждения, в другой части света, в отдаленном от Испании Тонкинском заливе заняла Япония большой остров Хайнан, формально принадлежавший Китаю. С точки зрения этой внешней формальности нет ничего необычайного, что в порядке военных соображений пришлось занять определенный пункт, как занимались раньше пространные площади китайской территории с многолюдными городами.

Но Хайнан расположен так, что господствуя в заливе, может оказаться очень страшной угрозой Индо-Китаю и Сингапуру. Вместе с островом Формозой, которым уже владеют японцы, он является ключевой базой в этой части

Дальнего Юго-Востока, и по поводу возможного им завладения еще нынешним летом британское правительство предупредило Японию, что это может вызвать серьезные и даже печальные осложнения.

Но момент для занятия выбран сейчас такой, что в виду напряженного положения в Европе, в частности в бассейне Средиземного моря, едва ли тем не менее неудовольствие европейских держав выльется во чтонибудь другое, помимо заявленных уже дипломатических протестов. Они заявлены и Англией, и Францией и Соединенными Штатами, на что Япония ответила, сославшись на стратегические задачи военной оккупации, которая определяется лишь необходимостью окончательного окружения и изоляции последних войск и убежища Чан Кай Шека. В порядке этих задач Япония оставляет себе свободу действий и дальше.

Тут получается очень интересная и несколько новая связь. Дальнейшее сопротивление Чан Кай Шека, конечно, давно уже также безцельно и безнадежно, как было сопротивление Негрина. Но его питают и поддерживают против Японии, и в первую очередь борется Москва. Теперь державы, опасаясь дальнейших японских выступлений, будут сами заинтересованы в скорейшей ликвидации дальне-восточной войны и в сдаче Чан Кай Шека. Несомненно, что в самом скором времени его начнут "тушить" совершенно также, как потушили и негуса, и Бенеша, и как уже тушат сейчас Негрина. Лучше сговориться с Японией, чем поддерживать безнадежное китайское сопротивление.

Для нас во всех этих конфликтах интересно, главным образом, тоже самое: провал Коминтерна и Москвы. Ея крапленые фальшивые карты, которые она

разбросала в своей шулерской игре по географической карте всего мира, биты всюду.

**

ТАМБИЙ ЕЛЕКХОТИ.

Польско-украинские отношения

ШУМ вокруг украинского вопроса не прекращается. Оживленно дебатруется он и на публичных эмигрантских собраниях. Мы сочли потому не бесполезным еще раз вернуться к этому, чтобы вкратце рассмотреть еще не затронутые в предыдущих статьях польско-украинские отношения, сложившиеся за последние 20 лет.

В предыдущей статье об Украине мы указали на то, что поворотным пунктом, как в судьбе Украины, так равно и Польши, нужно считать полтавскую победу Петра I над шведами 8 июля 1709 г. С этого момента систематически из года в год Москва все больше и сильнее накладывала руку свою на Украину.

В 1764 г. было упразднено гетманство. Это обозначало не только конец Украины, но и приближение конца польской независимости. В 1772 г. состоялся первый раздел Польши между Россией, Пруссией и Австрией. Однако варшавское княжество было сохранено, но в 1815 г. последний польский очаг был ликвидирован с присоединением Варшавского княжества к России.

Польша сделала две попытки освободиться от России. Первое восстание

имело место в 1830 г., а второе более обширное, охватившее можно сказать, всю Польшу, произошло в 1863 г. Восстание было подавлено с невероятной жестокостью. Польша окончательно исчезла с карты Европы. Такова общая историческая судьба Польши и Украины.

Надежд на возрождение у Польши не было, как не было ея и у других народов силой присоединенных к России. Русское владычество, как в Польше и на Украине, так на Кавказе и в Туркестане оказалось наихудшим из всех видов колониальной политики великих держав. Методы русской власти не могут быть сравнимы абсолютно ни с чем. В то время, как западные державы, а в том числе бывшая Австро-Венгрия и Германия, воздерживались от ассимиляции чужих территорий, от преследований местных языков и местных культур, Россия огнем и мечом проводила политику руссификации всех подвластных народов, и эта политика проводилась тремя способами. Во первых, путем преследования грамотности и запрещения изданий на родных языках. Во вторых рас-

пространением всеми способами православия среди не христианских народов России и, в третьих, что было особенно ужасно, и что широко практикуется и ныне большевиками, — это переселение русского крестьянства большими массами в оккупированные страны. Чтобы понять весь ужас русского владычества, как до революции, так и при большевиках, достаточно сравнить число русских в завоеванных странах с колониями Западных держав. Франция, уже давно владеющая Тунисом, насчитывает в этой стране 100.000 французов, а в Марокко их число не достигает и 50.000. Богатейшая Индия на 300 миллионов местного населения имеет 55.000 британских войск, а англичан из Англии, кроме чиновников, почти там нет. Западные державы, как видит читатель, не преследовали никогда уничтожения подвластных народов.

Сравните теперь это положение с тем, что делалось до революции на так называемых инородческих землях в России, и мы увидим, что на протяжении десятков лет с железной настойчивостью русская власть ставила себе совершенно не прикрытую цель физического истребления и духовной ассимиляции всех не русских народов. Политика эта проводится сейчас не слышанно варварскими методами.

Но умирать во имя русского великодержавия мы не хотим. Желанием жить и сохранить свое лицо объясняется наше политическое поведение, ждатель же у нас времени нет, — на это толкает нас политика Москвы. Прелести русской оккупации всем нам известны, а в особенности украинцам и полякам. На Украине родной язык был

совершенно изгнан. Украинцам повелено было именоваться запросто русскими, а между тем, кто не знает особливую психологию украинца, отличную от психологии русского. Будучи на школьной скамье, кто из нас не замечал особого культа любви учащихся украинцев к своей Украинской родине?

Враги Украины указывают на отсутствие естественных границ, — это все та же безбрежная русская равнина. Но разве сегодня, в век аэропланов, когда ни глубокие, ни широкие реки, ни высокие “непроходимые” горы не задерживают уже вражеских аэропланов, вряд ли отсутствие естественных границ может иметь какое либо значение. И вообще это не довод. В наши дни гораздо важнее воля народа к государственной независимости. Можно без преувеличения утверждать, что украинский народ выявил к этому весьма твердую и единодушную волю. Украинцы — отдельный народ славянской расы с особой психологией и отличным от русских бытом. Достаточно вспомнить читателю, если ему приходилось ездить по Украине, что даже из окна мчавшегося поезда, попадая из России на Украину, путешественника поражала удивительная перемена. Русские хаты по всей России голые, серые, не уютные, без единого почти деревца. На Украине — чистые веселые хаты, окруженные фруктовыми садами и цветниками.

Ты знаешь край, где все обильем
дышет,
Где реки льются чище серебра,
Где ветерок степной ковыль колышет,
В вишневых рощах тонут хутора?

Так говорит об Украине русский поэт — граф А. К. Толстой, авторъ известной драматической трилогии из истории московских царей, которого никак нельзя заподозрить в украинском сепаратизме.

Но это была даже по внешнему виду совсем другая страна, с Россией так и не сливавшаяся. На протяжении более двух веков совместной жизни русские и украинцы все же остались глубоко раздельными, что вполне подтвердилось и новейшими событиями.

Мировая война и восточно-европейская революция воскресили надежды угнетенных народов. В марте 1917 г., т. е. тотчас же после переворота, в Киеве была созвана всеукраинская рада под председательством известного историка Грушевского. Программа рады первого созыва состояла всего из двух пунктов:

1. Широкая территориальная автономия для Украины;
2. Признание на территории Украины украинского языка.

Эта лаконическая программа говорит больше, чем можно было бы сказать о раздельности русских и украинцев в рамках журнальной статьи. Для представления этих требований Рада делегировала в Петербург к Вр. Правительству депутацию, голос которой там услышан не был. Петербург отказался принять эти требования, а также отказался признать и самую Раду. Последняя в ответ издала манифест к украинскому народу от 12 июня 1917 г., в котором украинский народ оповещался о том, что отныне все распоряжения, приказы и законодательные акты Петербурга не действительны

на территории Украины. Такой акт по существу означал отделение Украины от России.

Однако официальное объявление независимости последовало лишь 20 ноября 1917 г. Как видит читатель, события на Украине шли быстрее, чем на других окраинах бывшей империи. Но уже после упомянутого выше манифеста 12 июня Вр. Правительство было весьма обеспокоено событиями на Украине, и решено было отправить в Киев министерскую делегацию в составе Керенского, Церетели и Терещенко. Этим последним удалось заключить с Радой соглашение, текст которого был составлен в таких учтивых выражениях, как если бы договаривающиеся стороны были обе независимыми суверенными государствами.

20 ноября 1917 г. с объявлением независимости секретариат Рады был преобразован в правительство под председательством Винниченко. Едва просуществовав два месяца, не успев еще сконструировать государственного аппарата, большевики пред'явили Украине ультиматум, в результате которого Винниченко уступил власть соц.-революционерам, во главе с Голубовичем. Господствовало мнение, что социалистическому правительству можно будет договориться с большевиками, предотвратить войну и отстоять независимость.

Надежды эти не оправдались. Большевики повели наступление против "контр-революционного" правительства Украины Голубовича, чтобы "защитить" украинский рабочий класс. Киев был занят врагом, а правительство отступило в Житомир. Лишь с приходом немцев и с их помощью правительству Голубови-

ча удалось освободить Киев. Однако, оказалось трудным сотрудничество социал-революционного правительства Голубовича с немцами, и ему пришлось уступить место Скоропадскому, восстановившему гетманство, упраздненное Москвой в 1764 г.

Поражение центральных держав в мировой войне лишило правительство Скоропадского действенной опоры. Против него в стране пачалось брожение, во главе которого образовалась директория.

Руководителем украинских вооруженных сил стал Петлюра, и это обстоятельство в разгар борьбы с большевиками выдвинуло его на роль национального вождя. Но в ответ на натиск со стороны большевиков на Украине обозначилась борьба двух ориентаций. С одной стороны Восточная (русская) Украина хорошо понимала, что не может быть освобождения и независимости от Москвы без союзнической помощи со стороны Запада; с другой стороны — для Галицкой Украины, находившейся в этот момент в войне с Польшей тоже за свое освобождение и слияние с русской Украиной, западная ориентация последней была неприемлема. Галичане против Польши ориентировались на Россию. С этим обстоятельством вождям украинского освободительного движения приходилось считаться, тем более, что к этому моменту обе Украины прокламировали образование федерации. На деле, однако, галичане мало считались с интересами великой Украины и с директивами центральной киевской власти, т. е. Директории. Все уступало чисто местным, галицким интересам. В результате борьба между двумя ориентациями, польской

и русской, приняла довольно острые формы, повлекши за собой фактический разрыв галичан с Украиной. В конце концов Директория, считаясь с тем, что проблема украинской независимости имеет своим предметом 30-миллионную Восточную (русскую) Украину, что Украина, не ставшая еще на собственные ноги, не может преследовать в первую очередь задачу объединения всех украинских земель, находящихся в других странах, окончательно ориентировала борьбу свою за независимость на Польшу и в соответствии с этим решением между Петлюрой и Пилсудским в 1920 году был заключен союзный договор, известный под именем "Бельведерского соглашения".

Галичане без восторга отнеслись к этому соглашению. Хорошо известный нам, кавказцам, "ущельный" патриотизм причинил и здесь не мало вреда, как вообще для дела украинской независимости, так и для самих галичан в частности. Среди них возникла новая борьба двух ориентаций, на сей раз одна ориентация на большевиков, другая на Деникина. Обе ориентации были направлены против Польши, а по существу оказались и против Украины и ее Директории. Это обстоятельство очень повредило украинскому делу на Парижской мирной конференции. Державы - победительницы, и без того плохо разбиравшиеся в российских делах, не только галичан, но вообще всех украинцев котиrowали, как большевиков. Такое мнение в кругах конференции не могло не сложиться в виду того, что в это же самое время Польша истекала кровью в польско-советской войне 1920 г., а галичане воевали с другого конца с той же Поль-

шей. Получилось так, как будто бы галичане и красная армия действовали согласованно против Польши. Союзники даже отправили на галицкий фронт ген. Галлера, чтобы подкрепить Польшу. Заблуждение в кругах Версальской конференции было так велико, что даже армию Петлюры, союзницу Польши, рассматривали как революционную армию и в конце концов вместо Петлюры была, как известно, оказана помощь ген. Деникину.

Бельведерский договор остается в силе и по сей день. Он оказался очень полезным для обеих сторон. В польско-советской войне летом 1920 г. украинские войска под командой ген. Безручко нанесли под Замостьем решительное поражение армии советского команд. Буденного, напиравшего на Варшаву, за что этот последний чуть было не поплатился жизнью. Операция ген. Безручко очень ускорила окончание войны. Осенью того же года между Советами и Польшей был заключен мирный договор в Риге. Совместными польско-украинскими силами независимость Польши была спасена. Распространение большевизма на Западную Европу было остановлено. Справедливость требует отметить, что в этом огромном деле, имеющем значение для спасения западно-европейской цивилизации, есть значительная лепта Украины и лично Петлюры, безнаказанно погибшего в этой самой Западной Европе. После Рижского мира Украина, оставшаяся один на один с Советами, была оккупирована последними и остается под этим игом и по сей день.

Что касается Польши, то хотя не удалось отстоять независимость

Украины, но здесь много иных причин, о которых не место говорить в этой статье, но когда армия Петлюры вынуждена была покинуть родину, она, а также правительство, встретили братский прием в Польше. Можно положительно утверждать, что будет еще очередь Польши принести на алтарь украинской независимости свою действительную помощь. Вот почему мы считаем, что Бельведерский договор действует и поныне, и он будет действовать, покуда не осуществится дело, намеченное Петлюрой.

Наши симпатии к Польше известны. Мы их высказывали не раз на этих страницах. В первый момент возбуждения в мировой печати украинской проблемы "Кавказ" решительно заявил о своих симпатиях и всемерной поддержке украинского народа. Но мы сами не хотим быть зоологическими националистами, потому не можем и нашим друзьям и союзникам рекомендовать такого крайнего национализма. Разрыв украинцев с Польшей по поводу галичан мог бы поставить всю украинскую проблему в весьма трудное положение и тут необходимо найти соответствующие компромиссы во имя общего дела, всегда требующего взаимных уступок.

Мы не скроем от наших польских друзей нашего мнения, что и крайний империализм не всегда содействует консолидации государственной мощи. Шестимиллионное украинское меньшинство заслуживает того, чтобы ему дать особый статут. Это право само польское правительство подтвердило своей энергичной защитой аналогичных прав для сравнительно небольшой кучки тешенских поляков. Трудно спорить против

того, что галицкие украинцы, в конце концов, тоже славяне. Да и сама Польша при подписании Версальского договора торжественно обязалась дать галичанам автономию.

Не странно ли для нашей эпохи, что при Габсбургах, распорядившихся и поляками и галичанами, и чей режим, я бы сказал, преувеличенно именовался тюремной народов, в Львовском университете существовало до 15 украинских кафедр, так что этот университет иногда называли даже украинским, а теперь в Львовском университете нет ни одной украинской кафедры. Признаюсь, что поверить этому очень трудно. К сожалению, факт несомненный, что украинские ученые во Львове "гуляют" без дела, не имея места для применения своих знаний. Ясно, что такое положение вещей не обещает длительного спокойствия в этой части Польши. Создается богатая почва для ориентации галичан даже на Москву. По нашему крайнему разумению все, что может толкнуть галицких украинцев в объятия России, должно быть решительно устранено, и прежде всего в интересах самой Польши.

Такое движение в Галиции неминуемо возникнет, как это было уже раз в 1920 г., и оно будет тем активнее, чем сильнее будет нажим централистского прессы. Уже в некоторых органах Львовской печати вопрос об ориентации на Москву оживленно дебатруется. Кто же при таких условиях может гарантировать, что уже сегодня сталинские эмиссары под шумок европейских собы-

тий не работают в Галиции. Все это опасно прежде всего для самой Польши, участие которой в разрешении восточно-европейских дел не только желательно, но и неизбежно.

Говоря об опасностях, которые таит в себе рука Москвы в Галиции для дела независимости Украины, мы отнюдь не связываем непременно судьбы Украины с судьбой Галиции. Но остановить хода истории никому не дано. Польша была поделена между тремя могущественными империями тем не менее она возродилась. Возродилась и стала большим фактором в вроейской политике. События, приведшие к возрождению Польши по существу продолжают, хотя и в другой форме. Продолжается, по нашему мнению, и восточно-европейская революция. Само собой разумеется, что история Украины и других народов, угнетенных Россией, не остановится на настоящем статус-кво. Можно с уверенностью утверждать, что Украина, а вместе с ней Дон, Кавказ и Туркестан в ближайшем будущем сделаются ареной исторических событий огромной важности. В предвидении этого наши общие единые задачи сводятся к тому, чтобы облегчить в этих грядущих событиях разрешение проблемы угнетенных народов. Автономия Галицкой Украины является одним из звеньев в этой общей работе.

Тамбий Елекхоти.

ВИКИНГ.

Откровенный обман

ПОИСТИНЕ удивительна та откровенность, с которой московское правительство и подведомственный ему Коминтерн раскрывают перед всем миром свои очередные задачи. Московская печать нисколько, например, не скрывает, что в борьбе за свою победу организация коммунистического интернационала должна в каждой стране придерживаться совершенно различных практических методов с целью привлечь симпатии и поддержку большинства населения. Эта практическая программа излагается с полной откровенностью.

На западе, т. е. в Европе, главное внимание обращено сейчас на завоевание молодежи. В Москве, конечно, понимают и ясно себе отдают отчет, что так называемые народные фронты нигде цели не достигли, что на политической арене среди взрослого населения и его государственных представителей, коммунизм никакого успеха не имел и влияния сейчас никакого не оказывает. Но Москва не сдастся. Молодежь, как там думают, окажется менее стойкой и гораздо более податливой к совращению в новую веру. Ведь коммунизм в своей пропаганде потакает таким распространенным влечениям: и свободолюбие, и тщеславие, и свержение авторитетов, да наконец, — и просто способы и возможности легкой наживы. Вот почему в Европе сейчас выдвигается на первую очередь организация комсомола путем образова-

ния различных кружков — главным образом спортивных.

Но все же арена деятельности сейчас в Европе чрезвычайно сужена. Работа становится все труднее даже в парламентских странах. За самые последние дни отпадает Испания, в которой дело Москвы и Коминтерна становится безнадежным.

Центр внимания поэтому переносится в Азию, в Монголию, на Средний и Дальний Восток, и, конечно, в колонии. Все это не ново, но поражает та откровенность, с какой излагаются методы действия, различные в каждой стране и приспособленные к условиям быта. Вот, например, Монгольская народная республика — так называемая Внешняя Монголия. Здесь предлагается отнюдь не проводить коллективизации и не бороться с "кулаками", так как попытки в этом отношении в свое время вызвали отпор и неудовольствие, которое может оказаться на руку японцам. Самое слово коммунизм исключается и руководящая "народно-революционная партия Монголии" является лишь союзницей Москвы и освободительного Коминтерна. Но тут же, конечно, указывается, что это лишь этап, т. е. другими словами — обман для привлечения симпатий. Но пока можно, например, владеть скотом, теперь даже в неограниченном количестве, можно иметь табуны лошадей, — старые быто-

вые понятия и привычки допускаются в полном объеме.

Большие уступки сделаны за последнее время и в Китае, опять таки в интересах поддержки Чан Кай Шека и для успешной борьбы с японской опасностью. Прекращена всякая национализация частного имущества, и даже бывшая красная китайская армия переименована в народную, — за каждую реквизицию она обязана платить. Москва выдвигает таким образом на первую очередь свои имперские задачи, подготавливая одновременно население к доверию и сочувствию, которыми она надеется впоследствии воспользоваться в своих основных задачах мировой борьбы и господства Коминтерна.

Продолжается одновременно, насколько это где возможно, революционная деятельность в колониях, где всячески разжигается местный национализм, и где прямо вменяется в обязанность агентам коммунизма поддерживать все бытовые традиции, все старые понятия и формы, всех туземных вождей и руководителей, дабы "усиливать все трения с оккупационной властью". Не забыта и Америка, где особенное внимание обращено на те штаты, в которых обострен расовый антагонизм, и "негры с трудом переносят высокомерие и гнет господствующей расы".

И только в пределах старого русского государства, в основных пределах Советского Союза, этой уже прочно завоеванной базы, не признается никакой необходимости каких либо уступок и поблажек естественным потребностям населения. Тут страна уже давно обращенных в рабство людей, с которыми и

можно и должно не стесняться и не церемониться. Они настолько унижены и безгласны, что от них даже не скрывают всех этих дипломатических уступок, которыми пользуются другие, живущие тут же, рядом, но уже за чертой российской государственности. Все это открыто печатается в московских изданиях.

Своим же вколачивается та основная мысль, будто они уже сравнительно достигли таких высоких степеней социалистического прогресса, что всякий правительственный акт уже сам по себе является отражением коллективной народной воли. Рабочий во всех других странах должен быть огражден в своих правах и пользоваться независимостью, потому что он работает на капиталиста, но в Советском Союзе он работает на процветание коллектива, часть которого составляет он сам, так что чего бы от него не потребовали, это, разумеется, всегда в личных его интересах.

Удовлетворяет ли когонибудь такая удивительная примитивная логика, — даже самых тупых и невежественных? Впрочем, об этом не спрашивают: повинуйся.

Довольно пикатный вопрос был недавно поднят в среде советской молодежи, на который с авторитетным разъяснением выступила в ответ "Комсомольская Правда". Ведь молодому поколению твердили постоянно о благотворности революций. Вот и явились недоумевающие, которые спрашивают: возможна ли также революция и в социалистическом отечестве? Вопрос, разумеется, колючий, хотя и очень естественный. Оказалось, согласно официозному раз-

яснению, что на Советский Союз общее правило не распространяется и в стране осуществляемого социализма возможно и закономерно лишь единственное движение все вперед по той же линии под руководством мудрого коммунистического правительства, всегда олицетворяющего общую волю народа. Никакие потрясения и самовольные вмешательства, конечно, недопустимы. Правительственная партия сама совершает революционные акты, как, напр., уничтожение кулачества, а всякая мысль о частных революционных выступлениях должна быть навсегда отброшена молодежью в Советском Союзе.

Не правда ли просто? Но насколько даже покорная и привыкшая повино-

ваться молодежь удовлетворилась таким раз'яснением — мы не знаем.

По этой схеме идут все официальные интерпретации. Органы охраны — полиция, жандармерия — это, конечно, злейшие враги, которые должны быть уничтожены в капиталистических странах, но советская чека — дело другое, — она выражает собою лишь необходимую форму закрепления развивающегося социализма. Решительно все раз'ясняется в таком же смысле.

Издавательство над публикой и откровенно-грубый обман господствуют в полном объеме. Что думает публика — неизвестно. Она слушает и молчит.

Викинг.

АЛИСКАНТ.

Знамение времен

ИЗВЕСТНА успешная работа Италии в деле внутренней колонизации, оздоровления малярийных, заболоченных пространств, создания городов и селений в наиболее заброшенных частях метрополии.

Но особенное внимание привлекает в последнее время грандиозный опыт одновременного массового переселения из Италии в Ливию — которая, впрочем, теперь признана частью итальянской территории, как Алжир считается входящим в состав коренной, не колониальной Франции — 1900 семейств из различных частей Италии. Всего перебро-

шено таким образом и водворено на планомерно подготовленных участках преимущественно в прибрежных районах Триполитании и Киренаики свыше 15000 колонистов. К 1940 году предполагают переселить еще 20.000. Повторяется, в общем, алжирский опыт.

Тщательно отобранны были наиболее подходящие переселенцы, много нового и интересного отмечается в организационной работе итальянских властей, осуществивших в наши дни это сложное дело. В общем, молодая Империя, действуя в согласии с последним словом науки, стремится создать свое прямое

продолжение на не слишком удаленном от Италии берегу Африки, вдоль которого, кстати, от границ Туниса до Египта сооружена, имеющая не только лишь колонизационное значение, автострада. Типичная, образцовая картина современного имперского строительства. Она должна вызывать смешанные чувства в сердцах, например, египетских патриотов. К ней же, по другим причинам, привлечено внимание Франции и Англии.

С этим переселением интересно сопоставить возвращение обратно в Турцию мусульман, преимущественно из балканских стран; интересно, прежде всего, потому что здесь мы имеем дело с процессом обратным. В свое время, с ростом Оттоманской Империи, турецкие поселения возникали в отдаленных провинциях. Прошли столетия; Оттоманская Империя постепенно рушилась; на Балканах восстановились независимые христианские государства. Турецкие или отуреченные поселенцы очутились в незавидном положении терпимых меньшинств. В наше же время б. Оттоманская Империя перестала вообще существовать, — турецкий народ, так сказать, свернулся образовав национальное государство в Анатолии. Заинтересованности Турции в увеличении своего населения отвечала как раз тяга зарубежных турок назад в страну предков. На этой почве в последние годы наметилось целое движение. Его оказалось даже необходимым упорядочить путем международных соглашений. В одной из последних книжек немецкого "Журнала геополитики" находим интересные данные по этому вопросу, имеющие значение, независимо от сделанного выше сближения начала

и конца: начала возрождаемой Римской Империи и конца Оттоманской.

Считается, что с 1912 г. Турция потеряла круглым счетом 2 миллиона населения (греки, армяне), и убыль эта лишь частично возмещена турецкой иммиграцией. В результате балканских войн 20-го столетия, из балканских стран вселилось в Турцию всего около 150.000 душ. Позже, обмен населения с Грецией дал Турции около 400.000 иммигрантов. Около 63.000 вернулось тогда же из Югославии, Албании и Советского Союза. Всего, по данным, сообщенным Большому Национальному Собранию, вселилось в 1923-1933 годах (следовательно, после Лозанского договора) 628.000, а в 1933-1934 г. — 27.000. Движения эти имели, отчасти, беспорядочный характер, и водворение поселенцев вызывало не мало затруднений финансовых и других, очень ощутительных при бедности Турции. В последние же годы обратное вселение происходило сравнительно планомерно, путем соглашений с заинтересованными правительствами, с тем чтобы ежегодный контингент не превышал практических возможностей турецкого государства. Предполагается создание Иммиграционного Банка, с выдачею долгосрочных ссуд.

Интересно турецко-румынское соглашение, вступившее в силу 1 апреля 1937 года. В румынской Добрудже насчитывается 225.000 турок. Румыния не прочь бы отделаться от них, посадив на их место аромунов из Македонии. Турция же была не прочь получить этих турок к себе. Стороны условились об уходе таких случайных "румын" в Турцию из Румынии в течение пяти лет, причем зем-

ля (100.000 гектаров) выкупается румынским правительством, и установлен особый порядок расчета с переселенцами, (35.000 семейств), при посредстве турецкого правительства. Иммигранты направляются в восточную Фракию.

Подобное же соглашение заключено в 1938 г. с Югославией. Планируется переселение 150.000 турецких мусульман из сербской Македонии в течение 6 лет. Это — потомки турецких колонистов прежних времен, которых не следует смешивать с мусульманами — сербами (босняками и др.), их в 1931 г. считалось свыше 1,5 миллиона, и они вовсе не собираются уходить.

В Болгарии мусульман насчитывалось (в 1934 г., по статистике исповеданий) 821.291, турок и помаков, т. е. болгар-мусульман. Это — свыше 10% всего населения. По признаку же лингвистическому, т. е. говоривших по турецки было в 1926 г. 607.700, среди них некоторое количество гагузов, отуреченных болгар-христиан. Болгария по соображениям политическим (боязнь турецкой ирреденты) и экономическим (бедность этих мусульман, необходимость сажать на землю собственных иммигрантов-беженцев из Македонии и пр.) рада бы проститься со своими мусульманами, но Турция не всех их охотно принимает к себе: ей приходится считаться с наличностью среди части болгарских мусульман настроений враждебных новой Турции (по мотивам религиозным). Случалось даже, что Болгария просто “подкидывала” Турции нежелательных последней переселенцев в виде “туристов” (1500 чел!). Все же приток иммигрантов из Болгарии возрастал. В 1931 г. их было

2141, в 1934 — 6128, а в 1935 — 22.792. В 1936 и 1937 г. последовало путем обмена нот между Болгарией и Турцией соглашение о выселении из первой во вторую по 10.000 душ. Переселенцев этих, по некоторой их неблагонадежности, направляют в Анатолию и Курдистан.

Вообще, чрезвычайно велики были потери, понесенные Турцией в свое время благодаря уходу или гибели, за некоторыми исключениями наиболее предприимчивой части населения (коммерсантов, торговцев, ремесленников, рыбаков и др.). Реформированная Турция, с другой стороны, в результате всех последовавших перемен в составе населения, представляется государством в национальном отношении более однородным, замкнутым и безопасным. Этому содействует, конечно, и политика иммиграции, о которой была речь выше.

Многое здесь заслуживает внимания и кавказских народов, страдающих от чрезмерной пестроты национально-племенного состава населения в некоторых районах. Усиление в них однородности, путем планомерных переселений или обменов, значительно облегчило бы задачи культурного строительства и смягчило бы немало внутренних трений. Но дело это очень трудное, деликатное, дорого стоящее. Зато кое чему можно учиться на опыте, очень богатом в новейшее время, многих стран и народов — в добавок к собственному, которого тоже не мало. А как быстро происходят превращения, можно судить по тому, что всего четверть века тому назад в Триполитании боролся с итальянским вторжением Энвер-бей, позже Энвер-паша, а

теперь туда привезли с музыкой и песнями на огромных транспортах, а затем развезли в автомобилях по заранее подготовленным участкам тысячи семейств из Ломбардии, Апулии и Сици-

лии, с непреклонным намерением создать там новый уголок Италии, как об этом упоминается в начале этой заметки.

Алискант.

СУРХАЙ.

Кавказ и державы в XIX в.

УП *).

Падение и плен Шамиля предрешили судьбу Сев. Кавказа. Не потому, что ушел со сцены один из величайших героев войны Сев. Кавказа с Россией, а потому, что вышли из строя Дагестан и Чечня, составлявшие главную опору страны. Еще и потому, что русские, наученные опытом, сосредоточили огромные силы (около 300.000), переброшенные на Кавказский театр войны, после окончания Крымской кампании, — они напрягли все усилия, чтобы скорее закончить борьбу. С другой стороны, горцы были предоставлены самим себе и не могли уже рассчитывать на какую-нибудь помощь, моральную или материальную, извне.

По свидетельству самих русских военных историков — Шамиль, а тем более другие предводители Сев.-Кавказских народов, никогда не были в состоянии выставить против русских, для регулярного сражения, более 11.000 бойцов. По-

этому война со стороны горцев носила по необходимости характер партизанский.

Несмотря на все это, и после покорения восточного Кавказа и пленения главного своего вождя, горцы Западного Кавказа не сложили оружия и продолжали отчаянно сопротивляться. “Будучи затравлены русскими, как дикие звери, погрязая по колено в крови”, пишет один из иностранных наблюдателей: “горцы с невероятным упрямством и сверхчеловеческим героизмом защищали каждую пядь земли своих отцов”.

В 1860 году русские ограничились мелкими действиями, сосредотачивая не престанно в Черкессии крупные военные силы и надеясь покончить с сопротивлением шапсугов, убыхов и абадзехов (другие племена придерживались выжидательного положения). Сравнительное спокойствие на фронте внушило горцам обманчивую надежду, что они могут найти еще помощь и поддержку со стороны Турции и Англии. В Константино-

*) См. «Кавказ» № 1/61.

поле не только власти турецкие, но и представители Англии, поддерживали искусственно эту надежду, рассчитывая, что сами черкесы воспрянут духом.

Тем временем русские готовились не только покорить Черкессию, но и “замирить” ее окончательно и навсегда, путем поголовного выселения жителей в Турцию.

Кампания 1861 г. началась истреблением русскими племен, живущих между Кубанью и Лабой — Бесленевцев, Кабардинцев и Темиргойцев, а также их изгнанием с плоскости в горы. На освобожденных землях русские закладывали казачьи станицы. В течение одного только года построено было больше 30 станиц.

Не будучи в состоянии оказать серьезного сопротивления русским войскам, которыми командовал такой опытный генерал, как Евдокимов, черкесы послали через Константинополь в Париж и Лондон трех делегатов выбранных высшим черкесским советом, руководившим борьбой. Естественно, что в Париже делегатов никто не хотел принять. Что же касается Лондона, то и здесь правительство английское, устами лорда Расселя, заявило, что “правительство его Британского Величества не может вмешиваться в кавказские дела”. Несмотря на это в английской печати и в парламентских кругах велась, в связи с приездом черкесской делегации, хотя и без всякого практического результата, оживленная кампания, трбующая поддержки “героического и союзного народа”.

Польское восстание (в январе 1863 г.) тоже не облегчило положения черкесов.

Тем временем, войска Евдокимова продвигались систематически вглубь Западного Кавказа. Разбитые горские отряды вынуждены были, по мере приближения превосходящих вражеских сил, уходить в горы и скрываться там в лесах и пещерах.

Наконец, в 1864 г. наступил конец борьбы. Но этот конец ознаменовался двумя событиями, показавшими лишней раз всему миру, как умеют умирать кавказские герои.

Когда, в феврале 1864 г., генерал Евдокимов приказал выселить Джигетов, с насиженных мест и покинуть могилы отцов и дедов, весь народ собрался в горах, в окрестностях Гадлика, и погиб до одного, нанося огромные потери, сражаясь грудью с грудью со своими врагами.

Их примеру последовали и другие борцы за свободу, собравшись со всех концов Черкессии, в ущельи Айбго. К сожалению не удалось им схватиться в рукопашную с русскими, так как неудачно избранная местность помешала им вернуть свои силы.

Брат русского царя, назначенный в это время наместником Кавказа, после кн. Барятинского, приказал истребить всех картечью, гранатами и бомбами. Приказ этот был исполнен с исключительной жестокостью генералом Шатиловым.

После этого варварского поступка, великий князь Михаил Николаевич послал царю 14 июня 1864 г. донесение о том, что на Кавказе отныне не осталось ни одного свободного племени.

Сообщая об окончании войны в Черкессии, орган Уркварта, благородного и

преданного до конца поборника вольности Кавказа, "Фри пресс", появился 1 июня 1864 г., в черной траурной рамке. За ним и почти вся печать западной Европы хоть и поздно, выражала соболезнование по поводу потери самостоятельности под русским штыком гордыми сынами Кавказа.

Последствия русского "просвещенного управления" замиренным Кавказом, превзошли своей жестокостью и варварством даже ужасы войны.

Петербург и Тифлис (царь и его брат, новый наместник Кавказа) быстро забыли о всех прежних обещаниях. На голову покоренных обрушились все блага русской "культуры", в необходимости которой для "дикаго" Кавказа царская дипломатия упорно старалась убедить Европу. Кавказская администрация оказалась в этом отношении необыкновенно изобретательной. Выселение целых аулов с одного места на другое, чтобы облегчить переселение на оставленные, плодородные земли казаков, телесные наказания, экзекуции, контрибуции, насильственное обращение в христианство и т. д., — все это обрушивалось изо-дня в день на голову беззащитных: *vae victis!*

Ген. Муса Кундухов рассказывает в своих мемуарах, помещенных в "Кавказе" в 1936 и 1937 годах, как русские власти поступили в 1858 г. с непокорными абазинцами, не согласившимися переселиться в Россию. "Повезите туда наши души, а живыми мы не пойдем", ответили мученики и предпочли пасть под штыками и картечью, чем покинуть родную землю. В живых не осталось ни одного мужчины. Погибло много женщин и де-

тей. Спаслось их только "от шести до десяти душ".

Не могу не привести из тех воспоминаний бывшего русского генерала рассказанного им одновременно другого примера, каким образом русские власти производили "выселение" черкесов.

В 1868 г. жители закубанского аула Кудинетовых просили сами разрешить им переселиться, по примеру своих соотечественников (в 1864 г.), в Турцию. "Получивши от начальства согласие, продали свой скот и приготовились пуститься в путь до Керчи.

"Не знаю, по чьему приказанию окружной начальник их полковник Догмицов не позволил им готовиться в путь. Черкесы, полагая, что Догмицов делает это из своего каприза, не послушались его и посадив на арбы свои семейства, пустились в дорогу.

"Окружной начальник, узнавши об этом, живо собрал отряд, пеший и конный. и с четырьмя орудиями пошел за ними в догонку. Догнавши их, приказал им возвратиться обратно в аул. Черкесы эти обратились с вопросом к своему мулле, что он им посоветует. Полоумный фанатик на вопрос их ответил вопросом:

— Известно ли вам, что русское правительство имеет в виду обратить всех черкесов в свою религию?

— Известно, — ответили черкесы.

— Если вы это знаете и останетесь его подданными, то есть ли у вас опасение, что потомство ваше со временем будет обращено в христианство?

— Есть, — сказали черкесы.

— В таком случае, вернуться назад и остаться русскими подданными значит отказаться от своей религии и добровольно сделаться христианами — сказал им полоумный и малограмотный мулла.

Черкесы за исключением одного, который советовал им вернуться назад (жена этого труса Жанбота Едигова, схвативши шашку мужа, сказала ему: "Жаль, что я до сих пор не знала, что ты ниже всех земных тварей..." и рассталась с жизнью в числе других), все поклялись переселиться или умереть".

Полковник Догмицов открыл залп из орудий по арбам. Черкесы, пешие и кон-

ные бросились в шашки на русский отряд и погибли до единого. Оставшихся за арбами тоже уничтожили огнем. "За арбами нашли живыми только одну женщину с ребенком. Число павших было 233 души обоево пола".

Интересно отметить, что и сам генер. Муса Кундухов переселился в 1865 г. в Турцию вместе со своими родственниками и с 15.000 чеченцев и ингушей, не желая быть свидетелем вакханалии "просвещенных" победителей на Кавказе.

(Продолжение следует).

Сурхай.

Григорий ДИАСАМИДЗЕ.

Откровенные беседы

3.

ВСЕ О ТОМ ЖЕ.

ПОЛИТИЧЕСКИМ деятелям. Северного Кавказа идея кавказской конфедерации подсказана самою жизнью больше, чем другим народам, искони живущим в пределах всего Кавказа, и Южного, и Северного.

Задолго до провозглашения общекавказского идеала, северо-кавказцы должны были у себя устроить единение на федеративных началах. Так образовалась Горская Республика, которая выразила настойчивое вполне искреннее пожелание создать Конфедерацию народов Кавказа в каковую она стремилась вступить. Для промульгации этой идеи

внутри и во вне нашего края по инициативе северо-кавказских деятелей был создан специальный орган печати "Северный Кавказ", во главе которого стоял симпатичный, всегда мне памятный, деятель Васан-Гирей Джабаги, а издателем был горец Джемал Албогачи. Заведующим был приглашен опытный литератор Александр Никитин*), некогда ближайший сотрудник грузинской газе-

*) Грузия и патриот, несмотря на звучащую по русски фамилию, остроумный юморист, подписывавший свои фельетоны А. Черный. Он писал и по грузински и по русски.

ты "Иверия" — органа знаменитого Ильи Чавчавадзе.

Привлечение к этому делу грузинского патриота знаменовало собою полное сочувствие затее горцев со стороны не только всего грузинского общественно-го мнения, но даже, если не ошибаемся, официальных политических кругов. Это было в начале 1919 г. В числе других грузинских литераторов получил приглашение и я, конечно, не замедлив участием.

К горцам у грузин всегда было какое то влечение. Правда были у нас известные счеты в прошлом, давшие ложное основание некоторым легковверным людям принять участие в войне русских с горскими свободолюбивыми народами, но в глубине сердец все таки таилась сильная симпатия к истиннокавказским рыцарям (не последним — в этом я расхожусь с моим молодым другом художником Халил Муса Ясулом, посвятившим родному уголку и его жителям лирическую прекрасную книжку). Да такое отношение к горцам замечается не только у грузин. Также к ним относятся и армяне, не говоря уже об азербайджанцах. Сами русские писатели с большой теплотой относились к ним, напр., Марлинский, Толстой, Лермонтов. Последний во вновь найденной после революции статье укорял своих сослуживцев — военных, очень неудачно подражавших внешне горцам и невникавших в сущность их душевных переживаний. Лишь гениальный Пушкин не преодолел в себе странного шовинизма и посвятил Ермолу — бичу Кавказа, как он его сам именует, недостойные гения стихи, поощряя бешеных дикарей к истреблению кавказских рыцарей. Тем не менее все

дышавшие вольным воздухом гор, ознакомившиеся с бытом и адатами населения, навсегда привязываются к кавказским горцам.

В этом отношении я не могу не упомянуть одного писателя, всегда с теплотой отзывающегося в своих достойных внимания сочинениях о горских народах, — писателя, хотя и иного, в сравнении с нами, политического толка. Имею в виду князя Константина Чхеидзе, выросшего и воспитавшегося в горах. Он принадлежит к роду тех Чхеидзе, которые выселились на Сев. Кавказ еще в начале 18 столетия. Такова эта горная и, можно сказать, горная атмосфера. Она победила то раздуваемое общими нашими врагами разноязычие, которое они постоянно тычут нам в лицо и предрекают неуспех нашей кавказской солидарности. Сговорившись и сгладив все углы, сев.-кавказские народы условились насчет общего языка, всем понятного и образовали общую Республику. Этому то кавказскому государственному новообразованию я и посвятил статью в упомянутом "Северном Кавказе": "Привет горцам". В ней, пожелав молодой Республике быть "у остальных народов Кавказа почетным арбитром", я говорил следующее:

«Пусть народы пока до наступления подходящего момента живут обособленной политической жизнью! Пусть и у нас на Кавказе пока создаются отдельные государственные единицы! Пусть отмежевываются одна друг от друга даже стратегически!.. Все равно, рано или поздно, в конце концов, силою самих вещей, силою установившейся тенденции экономического и культурного общения, во имя исключительно общей выгоды и благоденствия, мы придем к необходимости установить более тес-

ное общение между собою, создать объединенное государство, а именно кавказскую федерацию. В сфере политических образований, увя, нам не суждено делать новых открытий. Мы идем по проторенной дорожке... Наш идеал — Швейцарская Федерация. Наш путь от независимых республик через конфедерацию к федерации. (Северный Кавказ», 1 февраля 1919 г. № 9. Гор. Тифлиς).

Это говорилось ровно двадцать лет тому назад. Не могло быть сказано, а тем более напечатано, если бы это мнение не разделялось большею частью грузинской и кавказской политической элиты.

Через 15 лет после появления цитированных строк уже в злосчастной кавказской эмиграции и не в ином каком либо другом месте, а именно в нашем органе «Кавказ» напечатаны были две статьи ответственных политических деятелей, а не каких-нибудь политических «вертихвосток», а именно Михаила Церетели и Сипридона Кедиа. Церетели писал — «Кавказ», февраль № 2. 1934 г. — в «Открытом письме Гайдар беку Баммату»:

«Оно (расовое родство) существует и в нашей среде — между кавказскими горцами и грузинами, между грузинами и армянами, между азербайджанцами и нами всеми, потому, что и в Азербайджане, в его населении — немало крови еще до-тюркской... И я думаю, что уже недалек тот день, когда туранцы и грузины, армяне и горцы, мусульмане и христиане — создадут на территории Кавказа общее государство и будут его защищать, подобно тому, как на протяжении веков французы, немцы, итальянцы, католики и протестанты разных сект защищают Швейцарскую Конфедерацию»...

Сп. Кедиа в статье «За Кавказ», напечатанной в январском номере его собственной грузинской газеты «Сакартвелос Гушаги» 1934 года и в журнале «Кавказ» (январь, № 1 того же года), делал одновременно следующие заявления:

«Свобода каждого отдельного народа, в условиях кавказской действительности, возможна на Кавказе лишь при одновременной свободе остальных народов под охраной и в рамках одного общенавказского государственного аппарата. Совершенно самостоятельная независимая жизнь одного какого-нибудь народа на Кавказе безусловно невозможна. Россия хочет владеть всем Кавказом, а не какой либо отдельной его частью. Еще со времени Петра Великого это входит в русскую программу, — и поэтому только весь Кавказ в своем целом может противопоставить свою волю к свободе этому грозному натиску».

Ценные мысли!.. Всегда так, когда люди мыслят в спокойном и нормальном состоянии, а не обуреваемы демагогическим ослеплением. Настойчивая работа горцев много сделала для усвоения кавказцами спасительной идеи. Конфедерация, конечно, мыслима при условии действительного равенства прав федерирующихся народов и однородности государственного типа составляющих ее частей. Если какая-либо народность станет требовать преимуществ и приоритета, выявится разница «ориентаций», которая, по совершенно справедливому мнению того же Михаила Церетели, погубила всех нас и которая пугает не его одного...

Григорий Диасамидзе.

В. ОЛЕНИН.

Кавказские силуэты

БОРЖОМСКИЙ СИБАРИТ

ЧУТЬ-ЧУТЬ выше самого Боржома по течению реки Куры, где немного расширяется это живописное лесистое ущелье, в местности называемой Ликаны, одиноко стоит двух-этажная вилла, на вид довольно скромная, но очень поместительная, уютная и красивая внутри.

Построил ее для себя и часто жил там летом, почти все годы своего пребывания на Кавказе, великий князь Николай Михайлович — этот умный, культурный, богато одаренный человек, и серьезный историк, так прихотливо соединявший самые разнообразные черты — вдумчивость, умение настойчиво работать, любовь к мысли, к природе, к созерцательному покою и тонкому эпикурейскому комфорту с непоседливым темпераментом азартного игрока, с причудами и капризами самовлюбленного барина, щеголявшего своим вызывающим острословием, как будто бы доступного и простого в манере себя держать, всегда готового вместе с тем — оборвать, осадить, поставить в неловкое положение.

Трудно сделать более удачный выбор на всем протяжении Боржомского имения, да и вообще трудно найти более подходящее место для созерцания и мысли, более целительное для духа и тела, чем эта расширенная часть насыщенной сосновым воздухом горной долины.

Боржомское ущелье — так называемая область Самцхе-Саатабаго — это

была, как образно выражались в восточном стиле, “лучшая жемчужина в короне царя Грузии”. За эту “жемчужину” непримиримо боролся с мусульманами воинственный грузинский царь Ираклий II-ой, тот самый, который, изнемогая в борьбе, заключил с русской императрицей Екатериной II-ой союзный договор против общего тогда врага. С этого именно акта и начинается якобы юридически обоснованное систематическое вмешательство России в дела Центрального Закавказья, обманно завершнное присоединением всего края.

Когда с водворением русской власти широкой рукой так щедро раздавались вновь присоединенные земли в частную собственность отдельных выслужившихся деятелей, известный и будто бы популярный в крае кавказский наместник, брат царя, великий князь Михаил Николаевич получил в лучшей части области Самцхе-Саатабаго лучшую часть великолепного Боржомского ущелья — район теплых минеральных источников.

На нынешнюю промышленную оценку — это богатство колоссальное, можно сказать несметное, потому что эксплуатация курорта, экспорт воды, аренда участков, изумительное обилие разнообразнейших лесных пород — все это при разумном хозяйстве могло бы расширять ежегодный доход в неподдающейся учету пропорции. Но на первых порах имение вероятно вызывало только

затраты, и гораздо больше говорили о красоте местоположения, чем о хозяйственной ценности.

Вглубь извилистого ущелья речки Боржомки, впадающей тут в Куру, на несколько верст уходил длинный парк минеральных вод, а на противоположном левом берегу реки Куры выстроен был дворец великого князя наместника с цветниками и собственным большим парком-зверинцем, подымавшимся в горы.

В этом дворце, уже при грузинском правительстве после революции, помещался чрезвычайно интересный музей, устроенный главным лесоводом великокняжеского имения г. Пахарем, где была собрана замечательная коллекция боржомских лесных пород, приводившая своим разнообразием в полное изумление чередовавшихся в порядке послевоенной оккупации края иностранцев — немцев, англичан, французов, итальянцев.

Несмотря на всю свою красоту, эта центральная часть Боржомского ущелья показалась слишком стесненной, слишком мрачной, наследнику имения — старшему сыну бывшего наместника великому князю Николаю Михайловичу. Он сумел найти немного выше по течению Куры, но тут же под самым Боржомом место с пейзажем гораздо более мягким, более приятным для глаз. Расстояние ничтожно, а разница действительно очень большая, — здесь горы немного отступают от реки, становясь более пологими, и картина сразу приобретает воздух, ширь, свет, — все, чего не хватает в Боржоме и что так необходимо, если хочешь тут жить.

Созерцать и работать — для этой цели Николай Михайлович и поставил се-

бе виллу — вовсе не дворец, а именно виллу, удобную для жизни, со сравнительно небольшими, но такими приятными светлыми комнатами, с балконами, — только то, что пригодится, чем пользуешься, что любишь. Тут, конечно, и библиотека, и любимые картины, но это не загромождает, не дает музейного нежилого вида, это тут же рядом со спальней и с великолепной ванной и с удобным креслом, — это также необходимо для полноты ежедневных жизненных ощущений, как красота окружающей природы, как искусный повар и погреб хороших вин.

Парка в обычном классическом понимании слова тоже не было, а было кругом много зелени, много дорожек и тропинок разной ширины среди деревьев, кустов и полевой травы с дикими цветами. Был очень интересный “птичий двор” — большая и хорошая коллекция петухов и кур ценных пород, вероятно одна из лучших в России.

Великий князь Николай Михайлович в течение нескольких лет командовал на Кавказе сначала полком, а потом кавказской гренадерской дивизией и жил в Тифлисе и в Боржоме. Он очень любил край, в частности Грузию, и с гордостью считал себя кавказцем. Как известно, его брат Александр Михайлович, кажется родившийся уже в Тифлисе, не назывался ни Саша, ни Шура, а по грузинскому — Сандро, — так его и звали среди родственников. Но за исключением старшего — Николая — остальные братья порвали свои связи с Кавказом, а Николай Михайлович провел лучшие годы жизни в Тифлисе, и получив в наследство, как майорат, Боржомское имение, любил называть себя кавказским помещиком и

даже шутил, что хочет подать прошение о включении себя в списки грузинского дворянства.

По свойствам своего общительного характера и манере себя держать — простой и доступной — он имел очень много знакомых в обществе и всюду появлялся — в театре, в клубах, в ресторанах, на общественных балах, — много принимал у себя. Он даже несколько рисовался простотой, почти фамильярностью обращения, сам подходил, заговаривал, ездил только на биржевых извозчиках, (тифлисских “фаэтонах”) как и впоследствии в Петербурге на самых простых “ваньках”, дорожил своей репутацией либерала и врага этикета. Но разговор с ним требовал внимания и осторожности, — он круто обрывал, когда ему что нибудь не нравилось.

Мнения свои он всегда выражал резко и категорически, был беспощаден в оценках, а насколько они бывали взвешиваемы и серьезны, можно судить по следующему, очень любопытному, факту.

Николай Михайлович был первый человек, узнавший в Тифлисе в октябре 1894 года, из полученной им телеграммы о кончине императора Александра III-го. Немедленно сообщил он об этом своему другу — тифлисскому губернатору князю Георгию Шервашидзе, впоследствии много лет состоявшему при императрице Марии Феодоровне.

Краткая записка великого князя была отредактирована так: “скончался Александр III-й, на престол вступает сын его Николай, который погубит себя, династию и Россию”.

Князь Шервашидзе всю жизнь хранил эту записку и показывал ее еще в Крыму, где он умер, уже после револю-

ции, сопровождая Марию Феодоровну. Сейчас имеются живые свидетели этого факта — существования подлинной прощальной записки. О ней недавно еще вспоминал бывший адъютант великого князя Александра Михайловича адмирал Фогель.

***

В конце весны 1899 года студентом С.-Петербургского университета я приехал на лето в Тифлис. Это был год больших студенческих беспорядков, когда после университетского годового акта 8 февраля конная полиция разогнала на Васильевском острове процессию студентов ногайками, после чего бастовали и были временно закрыты почти все высшие учебные заведения, и была образована для расследования дела специальная комиссия бывшего военного министра генерала Ванновского.

С великим князем Николаем Михайловичем пришлось мне встретиться в Тифлисе на заседании кавказского географического общества, президентом которого он состоял, и сам часто председательствовал на докладах. Так было и на этот раз.

Великий князь знал меня лично, так как встречал во многих знакомых домах, и во время перерыва сам подошел ко мне.

— Рассказывайте, рассказывайте, я хочу знать подробно, что именно происходит в Петербурге, каково настроение студенчества.

Он говорил очень громко, так что кругом слышали, и присутствовавшие стали подходить, — это были все люди знакомые, в большинстве военные, несколько генералов. Нас окружили.

Совершенно неожиданно мне пришлось сделать краткий доклад о студенческих беспорядках.

— Возмутительно, возмутительно, — заговорил великий князь, — что это такое у нас творится? Возможно ли подобное обращение с учащейся молодежью? Где же это допустимо? Ведь это кидать их в революцию. Неправда ли? Политический кругозор околоточного надзирателя — не больше.

Затем, обратившись ко мне, он прибавил:

— А студенты сделали все же большую тактическую ошибку. Не надо было замешивать политику. Факт сам по себе настолько возмутительный — избивание ногайками на улице, за то, что шли толпою и пели — надо было решительно протестовать, требовать наказания виновных, вы могли бы многого добиться, найти поддержку в верхах. В начале у вас было немало сочувствующих, а теперь выходит — политиканы, революционеры. И почему стоит во главе какой то Волькенштейн? Что за тип? Не всякий поймет. Ванновский в трудном положении.

Перерыв заседания слишком затягивался.

— Все это меня очень интересует, — продолжал великий князь: мы возобновим нашу беседу у меня в Ликанах, где я буду через несколько дней.

И он меня поручил родственнику моему М. М. Тебенькову, тогдашнему редактору официозной газеты "Кавказ" и докладчику на этом заседании, который летом изо дня в день бывал у великого князя, как его партнер в открытый винт

Позволю себе сказать несколько слов об этом Тебенькове. Едва ли его многие

помнят, даже из старых тифлисцев. Но дело не в нем лично. Интересен он тем, что были, оказывается, в России люди, обладавшие замечательной прозорливостью в политических судьбах своей страны, да и вообще глубоко разбиравшиеся в социально - государственных вопросах. Но и при старом строе они оставались не у дел, ни революция их не выдвинула. А может быть это было исключение.

Во всяком случае этого Тебенькова можно назвать совершенно убежденным и законченным фашистом, развивавшим теории расизма, сознательного антисемитизма и корпоративного строя 40-50 лет тому назад. Он издевался над либерализмом интеллигенции и считал парламентский централизм совершенно невозможным в России, обрекающим ее на гибель.

— Или сильная императорская власть, — говорил он, — всех одинаково держащая "в железе", — тогда возможно в значительной мере провести и равноправие национальностей (кроме, конечно, евреев — вопрос особый) — это принцип имперский, — или же переход к самой широкой и свободной федерации, при чем надо быть готовыми, что иные от нас уйдут совсем. Я лично не вижу несчастья в таком государственном сжатии. Но парламентаризм в России — попросту глупость. Можно ли через такой громоздкий аппарат проводить все столь сложные вопросы, возникающие на этой разнообразной, разноплеменной территории? Да и вообще первое для нас условие: определить себя самих — русских — где именно они в отличие от всех прочих? Да и что такое парламентский депутат? Партийное имя в списке на бу-

маге. Выиграют только евреи. А чтобы проходили в выборное собрание с мест действительно деловые люди надо выбирать не по политическим партиям, а по профессиям, по цехам... Левые должны быть вовсе исключены...

Такие речи слушались тогда с улыбкой, и как раз великий князь Николай Михайлович, обыкновенно махал на Тебенькова рукой: "умный человек, но слишком углубился в средние века, — я вот тоже историк, только смотрю и вперед, а не только назад". Но Тебеньков, любивший историю, как раз, оказывается, и умел смотреть вперед.

Главначальствующий кн. Голицын хотел одно время назначить Тебенькова тифлисским губернатором, но испугавшись его "горизонтов", назначил своего ад'ютанта гусарского полковника Свечина, человека, вообще к "горизонтам" равнодушного.

**
*

Через несколько дней после помянутого заседания, мы обедали в Боржомской вилле Николая Михайловича, и я должен был еще подробнее, шаг за шагом, излагать весь ход событий. Он очень интересовался всеми подробностями, — что происходило на студенческих сходках, что именно говорил ректор университета проф. В. И. Сергеевич, что возражали ораторы-студенты, что делалось в студенческой столовой, кто такой руководитель движения студент Волькенштейн и т. д. и т. д.

Это был 1899-й год, когда одновременно во всех высших учебных заведениях России происходили серьезные

беспорядки, длившиеся в течение всей весны, и когда была указом проведена законодательная мера о досрочном отбывании воинской повинности провинившимися студентами, не в качестве вольноопределяющихся, а на общих основаниях, т. е. на четыре года.

Началось с петербургского университета после годовичного акта 8-го февраля. Ректором был заслуженный профессор истории русского права В. И. Сергеевич, впоследствии член Госуд. Совета. Это был человек, в то время еще дороживший своей либеральной репутацией и популярностью среди студентов, — и вот выступив на большой "сходке" в актовом зале университета, якобы для успокоения вверенной ему молодежи, он произнес длинную речь, в сущности такую, которая могла только укрепить самые революционные настроения.

Со свойственным ему юмором, с гримасами и ужимками, столь для него характерными, он начал так:

— Вы, господа, хотите приручить для Петербурга ту райскую птицу (тогда еще не говорили "синюю", — Метерлинк ее еще не обессмертил), которая по условиям нашего сурового климата, в здешних болотах, где царь самодержавно построил нашу столицу, увы, жить не может...

Вот с такого рода прозрачными метафорами и намеками на отсутствие гражданских прав, он на протяжении целого часа, прерываемый часто то протестами, то аплодисментами, стремился вселить убеждение в безцельности всяких выступлений, ибо режим России их не допускает. С одной стороны — он

как бы им выражал сочувствие, с другой — советовал сохранять спокойствие и лояльность, так как все равно ничего хорошего не выйдет...

Речь, что и говорить, безтактная, и великий князь, которому я подробно ее передал, несколько раз заметно и недовольно пожимал плечами.

Не могу не привести здесь последних слов, которыми закончил свое выступление проф. Сергеевич. Он, видимо, сам не ожидал, что договорится до этого.

— Вы решили, — сказал он, — требовать наказания виновных, — того жалкого помощника пристава, который отдал приказ бить ногайками, но ведь за его спиной стоит пристав, а за спиной пристава — градоначальник, а за ним министр внутренних дел, а за спиной министра — вы сами знаете кто стоит...

Тут он сделал жест в сторону огромного во весь рост портрета государя.

Эффект, разумеется, получился необычайный, и раскат неистовых аплодисментов пронесся по залу.

— Ну, и дурак же ваш ректор! — перебил великий князь, — его бы для коллекции в наше ведомство иностранных дел, — там вот много таких же тонких дипломатов...

И он с улыбкой посмотрел на сидевших за столом — своих обычных, кроме Тебенькова, партнеров в винт — князя Николая Эривова (известный в Тифлисе "Коля") и ген. Карцова, сына того бывшего начальника Главного Кавказского Штаба, которого так часто вспоминает в мемуарах, как школьного товарища, Муса Кундухов.

Разговор наш происходил за обедом, великий князь был предупредительно мил, и естественно, что я немного увлекся, нападая на наши порядки, тем более, что собеседник меня на это вызывал. Обед уже кончался и пили кофе.

Что то такое я сказал, что уже великому князю не понравилось, и он меня сразу остановил следующей фразой:

— А не довольно ли политики? Я слышал, что вы увлекаетесь не только этим, а любите также и птичий двор (действительно, я им занимался), — пойдемте теперь смотреть моих петухов.

— Он еще был сегодня мягок, — говорил мне потом на возвратном пути Тебеньков; а то он любит вдруг оборвать. С ним нужна осторожность.

И тут же рассказал мне недавний случай.

Шла крупная азартная игра. Великий князь проигрался и подряд, не вынимая денег, держал все карты известному бакинскому нефтепромышленнику, которому пришла редкая "талиа". Конечно, в будущем платеже тот мог не сомневаться, но не хотел слишком увеличивать долга (как потом требовать с великого князя?) и дорожил для игры наличностью.

Человек несветский и непосредственный, привыкший к простоте обращения Николая Михайловича, нефтепромышленник вдруг заявил:

— Куда вы лезете, ваше высочество?

Фраза была действительно неудачной и неуместной, и нефтепромышленник сразу вместо приятеля-партнера увидел перед собою гордого, заносчивого аристократа.

— Я-то знаю, куда я лезу, — сказал великий князь, — а вот вы, кажется, этого о себе не знаете.

***

В последний раз пришлось мне встретить Николая Михайловича совершенно неожиданно уже после революции весной 1917 года в Петербурге. Он был в темном пиджаке и выходил из какого-то под'езда на Фонтанке, торопясь к ожидавшему его извозчику. Он меня узнал и, как всегда, очень приветливо поздоровался.

— Быстро, быстро идут события, — сказал он, — быстрее, чем мы могли думать, — это потому, что мы слишком запоздали, слишком медлили. Теперь вот и нагоняет.

И он уехал.

В Ликанской его вилле был я потом еще раз, уже с боржомским комиссаром грузинского правительства.

Грузины, насколько это было возможно, привели в порядок Боржом, сильно пострадавший в период первого революционного хаоса и разложения кавказского фронта. В частности — Ликанская вилла была все та же, со всей своей обстановкой, — с картинами на прежних местах, с богатой библиотекой. Уцелела вся наполеоновская серия картин и изданий, — как известно, Николай Михайлович был горячий поклонник великого императора, — видел я и знакомую мне коллекцию портретов пап.

— Только винный погреб расхищен весь, — улыбаясь, развел руками любез-

ный комиссар, — а остальное мы уж теперь охраним, все будет в порядке*).

Действительно, как будто вчера здесь еще присутствовал сам хозяин, — его вкусы, его мысли, его настроения, воплощенные в этот красивый комфорт культурного, умного сибарита, выступали так отчетливо и ярко в этом знакомом доме.

Передавали, будто Николай Михайлович искал случая выехать из Петербурга в Боржом.

— А вы бы его в Грузии приняли? — спросил я комиссара.

— Отчего же? Во всяком случае дали бы возможность спокойно уехать в Европу.

Задним числом, конечно, сказать не трудно, но решились ли бы марксисты, стоявшие у власти в Грузии, действительно спасти члена дома Романовых от большевиков — это сомнительно. В кабардинских аулах — да, укрыли бы, а тифлиские меньшевики — едва ли.

Бессмысленная казнь ни в чем неповинного человека — живого, умного, интересного, умевшего соединять свой серьезный труд со всеми обольщениями культурного жизненного эпикуреизма. Эта жизнь могла бы дать богатый материал для большой подробной монографии в стиле современной исторической беллетристики.

В. Оленин.

*) Но покидая Грузию, правительство, как и подобает марксистам, многое из обстановки, как говорят, захватило с собою. Впрочем, напрасно: исторические картины, разумеется, оказались лишь тщательно подобранными копиями находящихся в Европе знаменитых оригиналов.

ТБИЛИСЕЛИ.

Прикованный титан

(ИЗ ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ)

ПОЛЬСКИЕ и украинские патриоты, так тяжело переносившие русификаторский гнет российского империализма, всегда глубоко сочувствовали национальному возрождению Кавказа и всем попыткам его борьбы за свободу. В этом отношении никогда не прерывалась идейная связь взаимного сочувствия, которая, конечно, должна продолжаться и теперь.

Кавказ часто символизировали образом непримиримого титана эллинской мифологии Прометея, который, побежденный в своей борьбе с Зевсом, был, как известно из легенды, прикован к одной из кавказских скал, — принято думать — в Дарьяльском ущелье.

Знаменитый баян Украины Тарас Шевченко в своей поэме "Кавказ", возвращая мысль к этому древнему мифу. Вот знаменательные строки в русском переводе:

Там скалы в дымке облаков,
Но каплет кровь среди тумана, —
И злой орел, из тьмы веков,
Впился в плененного титана...
Когтями сердце обнажив,
Орел пьет кровь все злей, суровой, —
А Прометей, как прежде жив,
Питая тело свежей кровью...

Красивая, эффектная легенда, и так естественно ее применить к борьбе Кавказа за свою независимость. К сожалению не все, приявшие этот образ, сде-

лавшие из имени титана обиходное клеймо своей политической фирмы, действительно могут внушить доверие к непримиримой своей стойкости в деле охраны родной свободы. Увы, Дарьяльское ущелье, вокруг которого много было пролито крови горцев, исторически, за последние два века, оказалось путем — проникновения северных завоевателей, а не уготованным природой местом для оборонительных баррикад народов Закавказья. С юга на север шли дружественные посольства и выходцы, а не воины в боевом снаряжении.

Будем верить, что теперь настроения коренным образом изменились, что опыт зависимости от старой и новой России укрепил в нас сознание необходимости сплотить все свои силы во имя тех идеалов, которые славословил в свое время украинец Шевченко, говоривший общим образом о Кавказе, хотя борьбу вели тогда лишь племена горской территории.

Только в том случае и Польша, и Украина попрежнему станут считать кавказцев своими попутчиками и союзниками, если они твердо будут убеждены, что на Кавказе больше нет места дроблению ориентаций, что представители его народов ни правым, ни левым глазом не косятся в северном направлении. Дело не в принципиальной вражде ко всему русскому, а в ясном сознании главной политической опасности именно с этой стороны.

Что касается людей, склонных кositся направо, то сейчас Россия или, правильнее, красная Москва, едва ли может соблазнить кого либо из них, но для людей, которые всегда были неблагополучны слева, уже дело обстоит не так просто, и в отношении их поведения такой уверенности у нас совершенно нет.

Этого еще мало — нацепить себе на грудь значок с эмблемой Прометея. Раз-

громленный 2-й интернационал всячески ищет сейчас опоры в единой политике с красной Москвой, а печальные, даже трагические опыты прошлого у всех еще перед глазами.

Нет, прикованный, но еще живой титан в деле своего освобождения им доверять не может. Они заново его прикуют к московскому интернационалу.

Тбилисели.

Обзор печати

ПОЛИТИЧЕСКИЕ «НУВОРИШИ»

После падения Барселоны выяснились многие факты из жизни и деятельности левого испанского правительства, характеризующие его в очень мрачном свете. Побывавший в Испании Леон Бэльби, председатель ассоциации французских журналистов и редактор - издатель сейчас весьма распространенной во Франции газеты "Жур", всегда твердившей о неминуемой победе ген. Франко, выступил за последнее время в печати с обвинением правительства Негрина не только в постоянной лжи, но и в личнокорыстном ограблении частных домов и банковых сейфов. Вот что сообщил Бэльби в номере от 13 февраля:

«Так как Негрин решил продолжать борьбу, необходимо предупредить французское общественное мнение, указав, чего стоит этот человек и каковы его поступки. Негрин всегда лгал испанскому народу и всей Европе. Накануне неизбежного падения Барселоны, он клялся, что она неприступна. Вслед затем он заявлял, что в Каталонии за Барселоной правительство создаст

такую укреплённую линию, которая непреодолима. В последствии оказалось, что не было даже самых обыкновенных траншей или колючей проволоки. Еще 2-го февраля он утверждал, что удержит Каталонию. Но Негрин выступает не только в роли официального лжеца, но дѣлает и другое. С тех пор как он у власти, он не переставая грабит. В Барселоне он реквизировал для себя роскошный особняк братьев Жиро (указан точный адрес), который представлял собою настоящий музей по богатству и редкости драгоценных коллекций. В течение двух лет самой широкой жизни там шла постоянная распродажа собранных ценностей. Кроме того, Негрин вывез во Францию, как личное имущество, сорок ящиков, погруженных на несколько кампионов. Были взломаны все сундуки богатого особняка, но в попытках не все удалось вывезти, и вот один уже готовый к отправке ящик, полный драгоценностей, дал повод выяснить следующее: По оставшимся вещам удалось установить, что в подвалах банка Испании были ограблены частные сейфы вплоть до всяких золотых мелочей и безделушек, которые можно продавать только по весу и куча которых оказалась в этом самом ящике, где имеется надпись о принадлежности его превосходительству предсе-

дателью совета министров. Ограблены, таким образом, даже самые бедные клиенты банка, желавшие хоть кое что уберечь.

Мы привели лишь краткие извлечения из обширной обвинительной статьи Леона Бэльби, но в ящике были найдены также две усыпанных драгоценными камнями роскошных короны, фотографические снимки с которых воспроизводит газета "Жур", одновременно сообщая точно, каковы эти короны, сколько каких камней и т. д. Приблизительная рыночная стоимость содержимого одного лишь этого ящика от 12 до 14 милл. франков. Вслед за Негрином автор статьи переходит к председателю Каталанского Генералитета Компанису, также бежавшему во Францию, который устроил свою личную квартиру в роскошном средневековом дворце, реквизированном для правительства. Без всякого сожаления —

«Разрушили знаменитую готическую часовню, взорвали ее дивные колонны, убрали статуи и все ценные предметы культа. Там помещался отряд телохранителей. Комнаты дворца обставили заново вещами и картинами, похищенными в разных музеях, с удивительным безвкусием и непониманием, столь характерным для этих «нуворшней». Рядом с бильярдной приспособили большую залу, роскошно ее обставив для сеансов синема, так как эти демократы не могут, конечно, посещать общие для публики места, — они выше этого. Таковы всегда, добавляет Бэльби, эти демагоги, обличающие чужую собственность и чужие привилегии «эксплоататоров народа».

Мы все это хорошо знаем по собственному опыту у себя.

ЗАДАЧИ МЕЖДУНАРОДНОГО МАРКСИЗМА

В январском номере журнала "Социа-

листический Вестник", издающегося на русском языке в Париже органе 2-го интернационала, помещена очень интересная статья, раскрывающая с большой откровенностью все методы нынешней тактики международного марксизма. Она сугубо интересна для нас, кавказцев, потому что во 2-й интернационал входит, как известно, и грузинская секция, представляемая деятелями и сторонниками бывшего правительства Грузии. В прошлом номере "Кавказа" мы привели поддержку из газ. "Дамоукидебели Сакартвело" — грузинского "официоза" этого правительства в эмиграции, от имени своего народа выразившего соболезнование по поводу кончины заслуженного социалиста Вандервельде. Всеми корнями и всею душой они там — во 2-м интернационале. Послушаем же теперь, какие именно задачи выдвигаются международными марксистами на первую очередь:

Европе блоков и осей, Европе реакционного Священного Союза должна быть противопоставлена Европа, организованная на более высоких принципах солидарности, свободы и прогресса. Поэтому надо бороться против всего, что способствует образованию анти-советского блока, тем более, что национальные интересы Советского Союза совпадают с политикой, исключающей чью-бы то ни было гегемонию на европейском континенте. В этом впрочем и заключается лучшая гарантия неизменности русской внешней политики и основа для солидарности рабочего движения западных стран с Советским Союзом: эта солидарность покоится не на идеологическом согласии с правителями русского государства, а на одинаковости политических интересов с русским народом и его новым государством.

Чтобы достигнуть сближения с Советским Союзом, необходимо прибег-

нуть в западных демократиях к следующему обманному приему, временно потребовав даже отступления коммунистов:

Народный фронт должен стать основой более широкого национального сплочения, имеющего задачей защиту основных завоеваний цивилизации во всех странах и в мирном масштабе. Колоссальное напряжение, необходимое для отпора державам оси, может быть осуществлено лишь солидарными усилиями громадного большинства народа, при содействии всех демократов, массы католиков и даже нефашистских консерваторов. Такое сплочение национальных сил означает сдвиг политического центра тяжести вправо: вследствие вовлечения более консервативных элементов в правительство, во-первых, и вследствие вытекающей отсюда необходимости добровольного ухода коммунистов с политической сцены, во-вторых.

Что касается, в частности, Франции, то необходимо —

правительство от социалистов до не-фашистских консерваторов. Формула «от Тореза до Рейно» устарела; возможна лишь формула «от Блюма до Марэна». Все это требует от социалистов и коммунистов серьезной самокритики, можно сказать — самопреодоления: у социалистов в смысле участия в правительстве, ориентированном более направо, у коммунистов — в смысле добровольного самоустранения от всех правительственных комбинаций и в смысле готовности, отмежевываясь от социалистов, в то же время поддерживать их... Отношения с коммунистами должны впредь регулироваться не на базе единства действий, а в рамках политики частичных соглашений, поскольку в них явится необходимость, причем коммунистическую партию следует ставить на ту же доску, как и любую другую анти-фашистскую партию.

Эта программа, подробно развитая итальянским представителем Анджело

Таска, не получила однако окончательного признания, так как много имеется сторонников совместного с коммунистами действия, в виду совершенно изменившейся в Мюнхене общей политической обстановки. Врагами теперь оказываются не только правительства фашистов, но и руководящие государственные люди демократических стран (Даладье и Чемберлен):

Мюнхен вызвал страшную катастрофу, но в то же время он демонстрировал существенное различие между империалистической позицией западных демократий и позицией анти-фашизма. Основные интересы анти-фашизма требуют учета этого различия и выработки платформы борьбы против фашистско-тоталитарных держав, опирающейся на идеи и энергии, черпаемые единственно и исключительно в социализме. Но эти идеи — мир, свобода, социальная справедливость — находят свое конкретное и последовательное выражение лишь в рабочем классе и могут развернуться лишь на основе пролетарской политики, все больше развивающейся в направлении единства действий партий этого класса.

Мюнхен означает прежде всего нежелание демократических империалистов начать борьбу за гегемонию в анти-фашистской атмосфере, которая наполнила бы эту борьбу совершенно иным содержанием. Пацифизм демократических буржуазий является на самом деле лишь выражением оттапливания класса от борьбы, которая не является его борьбою и ведется во имя идеалов, которые являются не его идеалами. В этом смысле Мюнхен соответствует прочному настроению западных буржуазий и подчеркивает поражение антифашизма, не смогшего добиться осуществления оборонительной борьбы против фашизма в международном масштабе и на антифашистской почве. В этом поражении анти-фашизм должен отдать себе отчет, не затем, чтобы сделать отсюда вывод о необходимости впредь плестись в свите демократического империализма, а, наоборот, затем,

чтобы попытаться найти другую арену борьбы с врагом, которого он не смог победить на международной почве.

Мюнхен дает рабочему классу урок в смысле самостоятельности; он не только не толкает социалистические партии к разрыву с коммунистическими и к шествованию в свите право-ориентированных правительств, но напоминает рабочему классу о необходимости все более тесного сплочения.

Задачи становятся открыто революционными всюду:

Прямая апелляция к народам — как демократических (подчерк. намп. «К.»), так и фашистских стран — должна более, чем когда либо, стать специфической формой нашей акции. Надо добиваться, чтобы демократические массы активнее вмешивались в определение внешней политики своих правительств, чтобы политика эта действительно служила делу мира.

Это и теперь, пока еще война не развилась, а отсюда вытекает

необходимость сомкнуть свои ряды, чтобы иметь возможность, в случае войны, сыграть роль не арриегарда буржуазного империализма, а авангарда борьбы за свободу.

Другими словами — да здравствует целиком революционная программа Москвы! “Раскрепощение масс”, в результате войны, т. е. общеевропейский большевизм.

Все это, конечно, не ново, и мы никогда не сомневались, что меньшевики и большевики — родные братья. Но как воспринимает эти программы бывшее правительство Грузии, столь давно уже вросшее во 2-й интернационал, да и сейчас славословящее его лидеров в своем “официозе”, несмотря на внешнюю перекраску в “защитный цвет”, якобы кавказского национализма и на стремление себя прикрыть “дымовой завесой” кой-каких оплаченных попутчиков?

ХРОНИКА

ИРАН.

Вследствие брака Египетской принцессы Февзии с Иранским престолонаследником и традиционной дружбы между двумя странами, правительства их по взаимности решили быть представленными не посланниками, а послами.

Агентство Парс опровергает слухи, возникшие в связи с разрывом дипломатических отношений между Ираном и Францией, относительно возможности отзыва обратно в Иран студентов, обучающихся во Франции.

Тегеранские газеты помещают сообщение о решении иранского правительства послать в Москву делегацию для ведения советско-иранских торговых переговоров.

В состав делегации входят: исполняющий

обязанности министра торговли Валии, заместитель министра финансов Салех и директор 2-го политического департамента министерства ин. дел Делшак.

В тегеранских экономических и общественных кругах этой поездке делегации придают большое значение.

На-днях делегация выезжает в Москву.

СОЕДИНЕНИЕ СЕВЕРНОГО МОРЯ С ЧЕРНЫМ

Как сообщают, между Германией и Чехо-Словакией одобрен проект, предусматривающий прорытие канала между реками Одер и Дунай, соединяющего, таким образом, Северное море с Черным. На предстоящие работы по прорытию этого канала Германия отпускает

одиннадцать, а Чехо-Словакия шестнадцать миллионов фунтов стерлингов.

МОСКВА

РЕФОРМЫ УЧРЕЖДЕНИЙ.

Во все последние месяцы в Москве происходят реформы центральных государственных учреждений. В связи с неудовлетворительной деятельностью главных комиссариатов, в особенности тяжелой индустрии, важной для военных целей, а также с отсутствием предметов первой необходимости, продуктов питания, и с полным развалом снабжения, в Москве идет непрерывная, но и совершенно бесплодная работа создания новых учреждений — всяких комиссариатов и наркоматов, которые растут, как грибы в гнилую погоду. В области тяжелой индустрии создано шесть новых наркоматов — топливной промышленности, электрофикации, черной металлургии, металлургии цветной, промышленности химической и строительных материалов. Во главе каждого — новые начальники с целым штатом других служащих, при чем идет постоянная смена и замена одних другими, так как работа признается неудовлетворительной. Вот уж поистине оправдывается русская басня Крылова: «а вы, друзья, как ни садитесь, все ж в музыканты не годитесь»...

Что касается комиссариата пищевой промышленности, то тут тоже новые учреждения с очень точными и конкретными задачами: комиссариат рыбы, во главе которого поставлена жена Молотова — небызвестная Жемчужина, ведавшая парфюмерным делом СССР; затем комиссариат мяса и молока, и третий — остальных продуктов. Но сытнее от этого не живется в несчастной стране.

Даже невинный «джаз», т. е. модный теперь всюду оркестр, под который танцуют комсомольцы, он в советской России будет отныне заменен «Госджазом», ибо правительство берет в свои руки организацию дела, не говоря уже о производстве инструментов. Но и композиторы будут теперь работать по правительственным указам, дабы дать «образцы произведений увлекательных, полных искреннего лиризма и веселья». Счастливые граждане, веселое и мудрое начальство! Остается только Сталину открыть танцы в первой паре с мадам Жемчужиной.

АЗЕРБАЙДЖАН.

НА РОДИНЕ НИЗАМИ.

Филиал союза советских писателей в Гандже собирает в настоящее время разные народные сказания о Низами, знаменитом азербайджанском поэте, 800-летний юбилей которого наступает в 1941 г. Писатели Ганджи готовят к юбилею сборник стихов и рассказов под общим заглавием «Писатели родины Низами».

Азербайджанский филиал Академии Наук, совместно с Музеем истории народов Азербайджана производит в Гандже раскопки на территории старого города, недалеко от могилы поэта. Как показывают раскопки, общая площадь города составляла 8-9 кв. км. Центр Ганджи был окружен каменными крепостными стенами, которые до сих пор сохранили свою прочность. По углам крепостных стен находятся большие башни, а через каждые 22 метра стены — малые башни. При раскопках найдены многочисленные образцы облицовочного строительного материала, старинные монеты, сосуды. Раскопки, как полагают, дадут богатый исторический материал для республиканской выставки, посвященной Низами, которая откроется в дни юбилея.

ЕСТЬ ЛИ У АРМЯН УЧЕНЫЕ И ИЗОБРЕТАТЕЛИ?

Одной стамбульской газетой в специальной рубрике вопросов и ответов, между прочим, дается следующий любопытный ответ на выше поставленный вопрос:

«История свидетельствует о способности армян в области различных искусств.

Этот народ, принявший христианство 16 веков тому назад имеет религиозные памятники и произведения, написанные в ту отдаленную эпоху.

Литература армянская тоже очень древняя. Много ученых, но нет изобретателей.

Армяне имеют большие заслуги в финансах, музыке и типографском деле оттоманского государства».